

НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ЗАРУБЕЖЬЕ

Л.Ф. Попова, И.В. Стасевич

ПО СЛЕДАМ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ, ОТКРЫВАЯ НОВЫЕ ПУТИ (Результаты экспедиций петербургских этнографов в Киргизию 2011–2012 гг.)

Памяти наших учителей

В 2011 г. после достаточно длительного перерыва были возобновлены научные исследования российских этнографов в Киргизии. Начинать полевые изыскания на территории, которая несколько десятилетий по ряду объективных причин не входила в зону внимания отечественных и зарубежных этнографов, достаточно трудно. За это время на всем пространстве Центральноазиатского региона произошли масштабные социально-политические изменения, которые повлекли за собой интенсивную динамику этнокультурных процессов. В российской тюркологии образовалась значительная лакуна, касающаяся содержания трансформаций в области бытовой и обрядовой культуры основного населения Кыргызстана. Материалы экспедиций петербургских этнографов в некоторой степени восполнили этот пробел. Безусловно, ряд выводов и констатаций имеют предварительный характер в связи со сложностью и неоднозначностью оценок культурных реалий современного киргизского общества.

В основу маршрута нашей первой поездки, в 2011 г., легли материалы экспедиций двух известных этнографов прошлых лет: С.М. Дудина (экспедиция 1902 г. в Алайскую долину) и Ф.А. Фиельструпа (экспедиции 1924 и 1925 гг. в северные районы Киргизии, в современные Иссык-Кульскую

и Нарынскую области [Фиельструп 1926]). С.М. Дудин и Ф.А. Фиельструп оставили достаточно подробные описания своих маршрутов и полученных полевых материалов, а также замечательные фотоколлекции, что позволило на сравнительном уровне оценить и проанализировать состояние ряда интересующих нас традиций.

В 2012 г. экспедиционные работы были продолжены в Южной Киргизии: в Ошской и Баткенской областях. Основной задачей полевой работы двух сезонов явилась научная рекогносцировка, проводимая с тем, чтобы составить общее представление об этнокультурных процессах, протекающих в современной Киргизии, выявить и зафиксировать специфику бытования и адаптации форм традиционной культуры, продолжающих функционировать в настоящее время.

Одним из аспектов полевых исследований стало изучение современного состояния домашнего хозяйства и хозяйственных стратегий киргизского населения в условиях рыночной экономики, переход к которой на постсоветском пространстве явился стержнем социально-культурных трансформаций на рубеже XX–XXI вв. Основным субъектом рыночных отношений и хозяйственной единицей в сельской местности теперь является семья, которая имеет земельные наделы, арендованные у государства на длительный срок. С распадом совхозной системы каждый глава семьи стал хозяином ресурсов жизнеобеспечения, находящихся в известном соотношении с макроэкономической системой страны, что потребовало от него минимума экономических, агрономических, ветеринарных, синоптических знаний. В аульных сельских обществах имеются хозяйственные специалисты разного профиля, но их функции, за исключением ветеринаров, сводятся преимущественно к консультативным и контрольным действиям.

Основу экономики сельского населения Киргизии составляют земледелие и скотоводство, находящиеся в разных соотношениях (в рамках как индивидуального хозяйства, так и регионального), что обусловлено рядом факторов: природными условиями, наследием советского периода, традиционными установками.

Распределение совхозных земель произошло в первой половине 1990-х годов, когда каждый член семьи получил надел, размер которого определяется местными условиями. Надел состоит из участков разного назначения: поливные земли, богарные, сенокосы, сады, огороды. Размеры участков также нормированы. Пастбищные земли находятся, в целом, в общественном пользовании, но определенные урочища могут быть закреплены за отдельной семьей. За пользование землей взимается государственный налог, размер которого невелик, учитывая наличие высокогорного коэффициента понижения налогов. Население не ощущает острого дефицита земли, напротив, в Алайской долине, например, имеется ее избыток, который не может быть освоен в силу нехватки

рабочих рук и желающих работать на земле. В целом семьи сочетают натуральное и товарное хозяйство, поставляя на рынок в зависимости от специализации района мясо, пшеницу, картофель, плодово-ягодные культуры, сено. Семьи близких родственников могут образовывать кооперативное хозяйство с определенной семейной специализацией и своей системой взаиморасчетов.

Ведущей отраслью сельского хозяйства в Киргизии является отгонно-кочевое скотоводство, но это занятие в крупных масштабах остается рискованным вследствие трудных условий зимнего выпаса и постоянной угрозы утраты поголовья. Так, в Алайской долине зима 2011–2012 гг. выдалась настолько снежной, что скот потерял возможность тебеневать. Страховочные запасы кормов были заготовлены в обычных объемах, поэтому для спасения скота срочно понадобились дополнительные закупки сена. Ажиотажный спрос немедленно стимулировал рост цен на сено — стоимость брикета, а это всего лишь суточный рацион одной лошади, достигла 600–800 сомов (около 500 руб.). Нанять людей для расчистки подходов к зимовкам было практически невозможно. Высокие риски при данной модели скотоводства делают эту отрасль малопривлекательной для молодежи, что стимулирует ее отток из страны в статусе трудовых мигрантов. По мнению значительной части молодых людей, работы в селе нет. Однако так или иначе население в районах с подходящими природными условиями имеет в семейном хозяйстве как минимум 40–50 баранов и несколько голов крупного рогатого скота, а отары в 1000 голов не считаются редкостью. Помимо баранов, в состав стада входят лошади, яки и козы. Лошадь по-прежнему широко используется в качестве верхового транспорта, большое значение в рационе имеет кумыс, а конина по-прежнему считается наиболее престижным видом мяса. Яководство имеет товарное значение — заготавливают мясо, которое высоко ценится. Понятно, что большое количество скота находится на круглогодичном выпасе. Зимовки представляют собой комплекс из стационарной жилой постройки, кошары с несколькими отсеками, сеновала и других хозяйственных сооружений. Уход за скотом и выпас осуществляют либо члены семьи, либо наемные работники. Летовки имеют сходное устройство (за исключением сеновала). Электроэнергия на зимовках, расположенных вблизи поселков, поступает от централизованной сети, а на летовках используются солнечные батареи китайского производства. Перегоны скота осуществляются как по скотопрогонным тропам, так и по автомобильным трассам.

Скот по традиции рассматривается не только как источник дохода, но и как показатель престижа семьи. Многие ритуальные выплаты частично по-прежнему осуществляются скотом — это *калын*, *енчи*, *коромдык*. Разведение скота тесно увязано с пищевым рационом и традициями в этой сфере материальной культуры. В ментальности сельских киргизов прочно удерживаются идентичность «я — кочевник», любовь к природе, движению, сакрализация домашнего скота.

Источником сырья для женских домашних промыслов по обработке шерсти, которые до настоящего времени остаются важной составляющей семейной экономики, является овцеводство. Особенно широкий ассортимент различной текстильной продукции из шерсти характерен для Южной Киргизии — это ворсовые ковры (*кйлем*), паласы (*таар* и *араби*), войлочные изделия, суконные халаты (*чекмен*), веревки, полосы для крепления юрты и др. Эта продукция в современном жилище киргизов составляет часть необходимого интрьерера, но также поступает на рынок. В целом это укрепляет экономический, а соответственно, и семейный статус многих киргизских женщин.

Раму коврового ткацкого станка обычно сваривают из больших металлических брусьев соответственно самому большому размеру ковра (обычно это 5×4 м), при изготовлении изделий меньшего размера занимают соответственно часть станины. Для основы в настоящее время используют хлопчатобумажные нитки производства коврового комбината в Худжанде (нитки можно купить на ковровом базаре в Исфане, на базаре в Кызыл-Кыя и в других крупных торговых пунктах). Шерсть для ворса прядут и сучат сами мастерицы, используя для этого станок домашнего изготовления. Красители применяют в основном химические (анилиновые), но знают также и натуральные (растительные). Для уплотнения нитей утка используют специальный гребень (*токмок*) из твердых пород дерева (урюк, тутовник), имеющий зубцы из толстой алюминиевой проволоки, согнутой в петлю. Вырезают деревянные гребни местные мастера. Выравнивают нити ворса специальным ножом.

Орнаментика ковров разнообразна — от традиционных геометрических мотивов (преимущественно ромбических) до цветочных и сюжетных, которые вошли в обиход под влиянием модных запросов современного рынка.

Паласы таар сшивают из шерстяных полос, которые ткут на узконовойном станке (*ормок*) преимущественно в технике *терме* (рис. 1). Узконовойный станок удобен в эксплуатации, его можно устанавливать не только на улице, но и дома в том случае, если изделие не слишком длинное. В Ляйлякском районе Баткенской области производят паласы араби разного размера в технике килимного ткачества без зазора. Эта традиция была воспринята местными киргизами, по всей видимости, от соседнего таджикского населения, но этот вопрос еще требует уточнения. Для араби типичен орнамент в виде ступенчатых ромбов.

На севере Киргизии место ворсовых ковров занимают войлоки *ширдак*, изготавливаемые в мозаичной технике (рис. 2). Войлочное производство на юге ведут в основном в технике вкатанного узора — *ала кийиз*. В настоящее время в связи с упадком производства узорных и гладких циновок из чия (камыша) войлоки катают на брезенте. В Ляйлякском районе сохраняется ручное производство шерстяного сукна, которое идет на пошив зимних мужских халатов чекмен. Технология изготовления сукна чрезвычайно архаична: его ткут

Рис. 1. Узконовойный станок *ормок*. Киргизия, п. Сары-Таш, Алайская долина. Фото И.В. Стасевич. 2011 г.

Рис. 2. Мастерицы по изготовлению *ширдаков*. Киргизия, п. Томчи, Иссык-Кульская область. Фото О.В. Ганичевой. 2011 г.

на вертикальном станке, а затем готовую ткань поливают кипятком и мнут ногами, уваливая в сукно. В Алайской долине зафиксировано ручное изготовление шерстяной ткани из верблюжьей шерсти также по старинной технологии, когда при тканье используют нити право- и левосторонней крутки, что в готовой ткани создает фактуру «елочки».

Возвращаясь к основным видам сельскохозяйственных занятий, отметим, что в зависимости от природных условий киргизское население культивирует на богарных землях злаковые культуры, главным образом озимую пшеницу твердых сортов и в меньшей степени — яровую; небольшими площадями высевают ячмень. Урожай этих культур в первую очередь реализуется в крестьянских хозяйствах, в меньших объемах поступает на рынок. Если хозяйства имеют скотоводческую направленность, то зерновые выращиваются как кормовая культура наряду с кормовыми травами (люцерна, эспарцет) и кукурузой (в Ферганской долине). Эти растения находятся в системе севооборота.

Удобрения применяются довольно широко, прежде всего химические (импортная селитра). Среди полевых вредителей наибольшую опасность представляет саранча.

Размеры земельных наделов позволяют использовать технику (тракторы, комбайны), арендуемую по фиксированным тарифам. Границами этих участков являются борозды; иногда возникают конфликты относительно этих границ, которые разбирает агроном сельской управы.

Обмолот зерна происходит в хозяйстве вручную, а помол может осуществляться на водяной мельнице, которая наследственно находится в собственности отдельной семьи. Работа такой мельницы была зафиксирована в пос. Дарот-Коргон Чон-Алайского района Ошской области. В хозяйствах имеются электрические мельницы китайского производства, но, по мнению опрошенных, качество механического помола несравнимо лучше.

Поливная пашня в Ферганской долине используется для выращивания кормовых трав, кукурузы, а также картофеля, который является важнейшей культурой в современном сельском хозяйстве Киргизии и производство которого очень рентабельно. У населения в разных районах уже сложились постоянные связи со скупщиками сельскохозяйственной продукции, которыми могут быть и граждане других государств.

Рыночная экономика во многом меняет традиционную ментальность населения, влияет на социальную сферу жизни, трансформирует систему ценностей. Такое занятие, как торговля, у киргизов не входило в разряд престижных и уважаемых, однако в настоящее время отношение к нему изменилось. По мнению информантов, деньги стали играть основную роль в определении социального статуса человека, и способы их получения не так уж и важны. Однако от богатых людей по традиции ожидают благотворительности, помощи, щедрости и справедливости.

Система кредитования получила на селе большое развитие, банк (и не один) стал частью инфраструктуры районного центра. Легкость займов порождает проблему больших задолженностей семей, что периодически выливается в ситуацию повышенной социальной напряженности. Например, во время вышеупомянутой угрозы массового падежа скота (*джута*) зимой 2011–2012 гг., когда для спасения скота потребовались большие денежные затраты, население пос. Дароот-Коргон требовало снижения процентных ставок по кредитам, и в некоторых случаях удалось добиться соглашений с банками.

Системность хозяйственно-культурной модели обусловила бытование у киргизов традиционного сборно-разборного жилища (юрты) в качестве сезонного, используемого на летовках (рис. 3). Особенно это характерно для культуры киргизов скотоводческих районов, например Алайского и Чон-Алайского. Изготовлением деревянного остова юрт занимаются местные мастера-деревообработчики, а текстильных элементов внутреннего интерьера и войлочных покрывал — женщины, как правило, из семьи самих мастеров. Некоторые владельцы имеют еще дедовские юрты, датируемые 1930-ми го-

Рис. 3. Юрта в долине реки Сусамыр. Киргизия, Сусамырская долина.
Фото И.В. Стасевич. 2012 г.

дами. Любопытно, что киргизы-ичкилики сохраняют особенное членение внутреннего пространства юрты, когда женская половина находится слева от входа, а мужская — справа. Характерной деталью оформления купольных войлочных покрышек в указанных районах являются прямоугольные накладки *төтөгдө* с аппликативным архаичным узором и кисточками из шерсти яка по углам.

Юрта используется не только в быту, но и в обрядовой сфере. В Алайской долине зафиксирована практика возведения юрты для жениха в обряде *кыз узатуу* (букв. «проводы девушки»), а также использования юрты в качестве помещения для умершего. В тех районах, где юрта имеет менее интенсивное бытование, сельчане арендуют ее у владельцев в случае необходимости. Обычной практикой в Киргизии является использование юрты в качестве пункта общественного питания, а в селе — и как чайханы для общественных посиделок, прежде всего мужских.

Образ юрты как одного из ярких символов этнического самосознания киргизов широко востребован в архитектурных сооружениях, в том числе в оформлении памятников и скульптур.

Стационарное жилище киргизов в настоящее время демонстрирует как традиционные способы его возведения, так и технологические новшества («евростандарта»). В Южной Киргизии особенно заметно, что киргизы для стационарных построек заимствовали опыт соседнего таджикского и узбекского населения, продолжая придерживаться традиционных технологий как экономичных и экологически оправданных. Основной строительный материал в южных районах страны — это глина, из которой делают пахсовую кладку, сырцовый кирпич или округлые кирпичики (*гуаля*) для заполнения деревянного каркаса. При возведении домов используют *ашар* — старинный метод соседской взаимопомощи. В том случае, если в ходе строительства хотя бы частично необходимо разрушить отцовский дом, сын должен испросить разрешения аксакалов и получить от них благословение (*бата*). Современные технические новшества влияют на планировку, конструктивные элементы и отделку жилища. Так, все большую популярность приобретают стеклопакеты, металлопластиковые двери, декоративная плитка.

Принципы интерьера стационарного жилища традиционно соотнесены с интерьером юрты. В комнате всегда фиксируется почетное место с соответствующим оформлением. Для убранства дома характерны минимализм и активное использование зоны пола для отдыха и сна, а также трапезы. Диваны и кресла имеют место скорее как престижные элементы интерьера. В качестве напольных покрытий используются паласы, ворсовые ковры и войлоки домашнего изготовления. Повсеместно в Киргизии бытует старинный вид постелочных изделий из бараньих шкур (*пустек*), сшитых в виде длинных ковриков, иногда с опушкой из козьей шерсти.

Рис. 4. Тушкийзы, жук. Киргизия, п. Чолпон-Ата, Иссык-Кульская область.
Фото С.В. Бельского. 2012 г.

Стены украшают ворсовые ковры, или вышитые занавесы (*көшөгө, тушкийзы*), являющиеся семейной гордостью или даже домашней святыней (рис. 4). На настенный ковер часто вешают вещи с высоким семиотическим статусом — футляр с Кораном, плетть как оберег, шкуры волка или других пушных зверей, иногда музыкальный инструмент *комуз*.

Важным элементом интерьера являются сложенные в стопки спально-постилочные принадлежности (*жук*), которые также изготавливаются женщинами вручную и обязательно входят в состав приданого, — это прежде всего небольшие матрасы (*көрпө*), одеяла и длинные подушки (*джаздык*) с одним декорированным торцом. В оформлении этих изделий используется вышивка и лоскутная техника, которые для киргизской культуры являются очень значимым визуальным символом. Заготовки для вышивки подушек с нанесенным солью контуром узора можно приобрести и на базаре. В Ляйлякском районе в основании жука находится сундук и сверток из шерстяного тканого полотнища (*богджома*) с домашним текстилем. Этот способ хранения издавна заимствован киргизами у таджиков и узбеков.

Столовая посуда хранится в шкафах-сервантах, которые наряду с низкими столиками практически исчерпывают ассортимент домашней мебели. Низкий столик для гостей обязательно имеется даже в том случае, если семья перешла к использованию высокого стола со стульями.

Пищевой рацион киргизов в настоящее время сохраняет большой пласт традиционных установок как утилитарного, так и символического характера. Отмечается сезонность питания, что связано с большим удельным весом в рационе пищи животного происхождения. Весной, в период интенсивного доевания домашнего скота, активно изготавливают и запасают впрок молочные продукты — кумыс, творог разных сортов, сливки, масло, сыр (*курут*), который сушат на специальных помостах. Изготовление молочных продуктов по традиционной технологии обусловило использование архаичных форм утвари — бурдюков (*мэс*) из снятой чулком шкуры барана, деревянных маслобоек с крестообразной мутовкой, желудков и кишок животных для хранения масла.

Мясная пища является наиболее престижной и обязательно фигурирует в ритуальной сфере, опосредуя этикетные социальные отношения. В связи с этим для праздников или приема гостей обязательно забивают барана, части туши которого имеют адресное назначение (рис. 5). В богатых скотом районах, например в Алайской долине, мясо барана варят, чтобы раздать его куски в конце трапезы, в других районах юга баранину используют для приготовления плова как главного праздничного блюда. На севере Киргизии главным блюдом, которое осмысляется в качестве национального символа всем населением страны, считается *бешбармак*. Бульон из баранины обязательно является составной частью меню торжественного дня. В будни на основе бульона варят

Рис. 5. Разделка мяса. Киргизия, п. Чак, Алайская долина.
Фото С.В. Бельского. 2012 г.

различные супы. На праздниках в южных районах подают такие жидкие блюда, как *чучвора* (с пельменями) и *мастава* (с заправкой из риса и овощей), в чем сказывается таджикское влияние.

Конина считается самым большим деликатесом, однако ввиду дороговизны это мясо и продукты из него (колбасы, жир, кишки) могут позволить себе немногие даже по особым случаям. Части туши коня также имеют высокий семиотический статус. Крупный рогатый скот забивают и для праздников, и для повседневного потребления, но престижность такого мяса невысока.

Из субпродуктов готовят, например, такое парадное блюдо, как *куйрук-боор* — вареную печень с кусочками курдючного жира, которое подают, как и вареное мясо, ближе к концу трапезы. Также праздничной пищей является *олово* — заполненные молоком вареные легкие барана, нарезаемые в готовом виде тонкими кусками.

Мясо в виде фарша используется как начинка для пельменей, мантов, пирожков (*самса*).

Мучная пища для киргизов давно стала привычной и необходимой, получив особую смысловую нагрузку. На праздничном столе в южных районах хлеб обязательно присутствует в большом количестве и разнообразии — это сдобные лепешки (*патыр*), слоеные жареные лепешки (*кантама*), жареные формованные кусочки теста (*баурсок*). Все виды хлеба пекутся в домашних условиях в глиняных печах или в котле, жареные мучные изделия опускаются в кипящее масло. В северных районах зафиксировано использование электрических хлебных печек.

Трапеза начинается с того, что хозяин дома или старший за столом разламывает лепешку, раскладывая ее в центре стола или раздавая присутствующим. На праздниках и обрядовых мероприятиях хлеба много по той причине, что лепешки входят в состав продуктовой доли с праздничного стола, которую участники ритуала уносят домой (*кешик*) (рис. 6). Если за столом не съеден кусок мяса, печени/жира или *олово*, то их следует положить на лепешку и засунуть в мешочек только вместе с ней. Хлеб все же остается на столе в большом количестве, но, по словам информантов, его кусочки не отдают даже собакам, а бережно используют в качестве сухарей или разного рода добавок.

Самостоятельное значение в питании киргизов имеет *талкан* — размолотая в муку сваренная, высушенная и обжаренная пшеница. Талкан в качестве лакомства смешивают с маслом и сахаром, получая своего рода халву.

Растительная пища в рационе киргизов занимает самое видное место. Так, лук, чеснок и морковь выращивают для того, чтобы затем использовать в плове и суповых заправках; блюда из картофеля у семей с низким достатком являются практически основными; из огурцов, помидоров, болгарского перца делают свежий салат — непременный компонент праздничного чайного стола.

Рис. 6. Сбор *кешика* на обряде Бешик-той. Киргизия, п. Дароот-Коргон, Алайская долина. Фото И.В. Стасевич. 2012 г.

Свежие фрукты употребляют по желанию, а сухие обязательно имеются среди домашних запасов для подачи к чаю. В некоторых районах с развитым садоводством сухофрукты делают в домашних условиях. Садовые культуры, прежде всего виноград, яблоки, малина, хурма, гранат, инжир, абрикосы, персики, груши, имеют большое товарное значение. В горах население собирает ревень, дикую смородину, облепиху и другие ягоды, лекарственные травы.

В традиционном представлении киргизов продукты питания, в первую очередь мясо и хлеб, имеют, кроме утилитарного значения, высокий семантический статус и активно используются в процессах обрядового дарообмена.

Сфера использования национального костюма в настоящее время у киргизов несколько расширилась — отдельные его элементы все активнее бытуют в качестве не только праздничной, но и повседневной одежды. У информантов есть мнение, что национальный костюм постепенно входит в женскую моду.

Наиболее ярким элементом национального костюма у киргизов является белый войлочный *каптак*, который носят большинство мужчин всех возрастов, хотя это и не является обязательной нормой. *Каптак* имеет особенности кроя и декора, обусловленные возрастом и статусом мужчины. Этот вид головного убора изготавливается и вышивается мастерицами разных артельных мастерских вручную.

В этих мастерских шьют и такие виды женской одежды, как безрукавки (*кемсаль*) и длиннополые халаты (*бешпент*). По традиции, восходящей к первой половине XX в., эти предметы шьют из плюша или синтетического бархата — тканей, которые давно воспринимаются как национальные. Основным способом их декорирования является вышивка синтетическими нитками, имитирующими шелк и золотное шитье, аппликация яркой тканью, а также вышивка бисером, которая была известна киргизам и раньше. Важным элементом декора безрукавок и бешметов являются металлические пуговицы, издавна входящие в систему женских ювелирных украшений. Контрастное сочетание цветов составляет традиционную эстетическую ценность киргизского народного дизайна. Орнаментака этих предметов женской одежды базируется на теме вьющегося побега как старинного витального символа.

Некоторые женщины в качестве праздничной одежды носят такой старинный элемент национального костюма, как *белдемчи*, имеющий вид распашной юбки. В селах Таласа белдемчи используют и как повседневную одежду.

В качестве головного убора замужние женщины носят платок, цвет и манера ношения которого зависят от тенденций моды и возраста женщины.

Наибольшую популярность элементы национального костюма имеют среди представителей старшего поколения, которое по традиции выделяется благообразным обликом. Пожилые мужчины носят длиннополый халат *шапан*, головной убор *каптак*, пояс, мягкие сапоги *мэси* с галошами. Некоторые пожилые люди в зимнее время продолжают надевать меховые шубы или тулупы, которые молодые люди считают старомодными.

В целом национальный костюм у киргизов является динамичной сферой культуры, которая требует более глубокого этнографического изучения и наблюдения за конкретными практиками, имеющими локальное своеобразие в разных регионах страны.

Несмотря на активную модернизацию современной жизни, многие традиционные институты в киргизской культуре до настоящего времени сохраняют свою актуальность. Жизнестойкость традиционных социальных структур объясняется спецификой организации киргизского общества, в котором до настоящего времени значительную роль играют родственные отношения, почти-тельное отношение к старшему поколению, религиозность.

Самым распространенным типом семьи среди киргизского населения остается трехпоколенная, включающая в свой состав родителей, женатого сына и его детей. Следуя устоявшемуся обычаю, с родителями живет женатый младший сын с семьей, но если он не в состоянии заботиться о родителях, то эту функцию берет на себя другой сын. В настоящее время взрослые дети часто хотят жить отдельно. Это не осуждается средним и старшим поколениями, но и не поощряется. Отдельное проживание взрослых, даже неженатых/неза-

мужних, детей чаще встречается в городской среде, где влияние традиционных норм ощущается заметно слабее.

Семейный статус в системе социальных позиций человека является одним из самых важных. Информанты объясняют, что у киргиза есть три круга родственников, связанных правами и обязанностями (*журт*), — это родственники по отцу, родственники со стороны матери и родственники жены. Многочисленность этой родни по традиции является своеобразным жизненным капиталом человека, и если общинные связи в условиях рыночных отношений ослабели, то ценность родственных связей девальвации не подвергается.

При отселении женатого сына родители выделяют *энчи* — дословно «надел», включающий часть имущества, скот, денежную сумму. Этот обычай в настоящее время не является обязательным. Большинство родителей по возможности старается помочь своим сыновьям, но бывают случаи, когда у родителей нет материальных возможностей выделить сына, в такой ситуации дети не имеют права требовать от родителей обязательной материальной поддержки. Возможно, изменение этого обычая связано с тяжелым экономическим положением в стране. Трансформация обычая, которая заключается в необязательности выделения женатого сына в отдельное хозяйство, привела к возникновению новой нормы — в самостоятельное хозяйство выделяют только старшего сына, младшие сыновья не могут рассчитывать на обязательную поддержку и часто отправляются в качестве гастарбайтеров за рубеж. Тем не менее традиционный обычай *энчи* существует и до сих пор ассоциируется у носителей традиции с браком сына и его отселением из родительского дома.

Безбрачие рассматривается как серьезное отклонение от общепринятых жизненных устоев. Впрочем, старые девы (*карадалы*) сейчас не третируются как неполноценные члены коллектива и не лишаются права участия в обрядовой жизни сообщества. Таких женщин сравнительно немного. Часто в экономическом плане их поддерживают родители, старшие братья. Как вариант устройства личной жизни они рассматривают брак с вдовцом или разведенным мужчиной.

В настоящее время несколько упрочили свои позиции нормы полигамии, оценка которой в общественном сознании двойственна: с одной стороны, многоженство осуждается, причем со стороны обоих полов, как неэтичное по отношению к первой жене, с другой — получает санкцию со стороны официального ислама. Старшая жена традиционно называется *байбиче*, младшая — *токол*. Одним из условий заключения второго брака является обеспечение каждой жены отдельным домом и хозяйством. Второй брак оформляется без «штампа в паспорте», только по религиозному обычаю *нике*. Дети от обеих жен обладают одинаковыми правами на наследство, в традиционном же обществе дети *байбиче* обладали большими правами на имущество отца. В остальном вторая жена существенно поражена в социальных правах, и в качестве

токол себя видят женщины невысокого статуса, те же старые девы и разведенные женщины.

Межэтнические браки киргизы заключают сравнительно редко, и даже находясь на заработках в больших городах России, нередко находят там себе брачную пару из «своих». Для киргизов характерны нормы родовой экзогамии, которые, однако, порой нарушаются без последующих репрессий.

Брачный возраст для юношей — 22 года в сельской местности, 23–25 лет в городе; для девушек брачный возраст ограничивается 17–19 годами в сельской местности и 23 годами в городе.

Инициаторами заключения брака могут быть родители юноши и девушки, но сейчас молодые люди часто знакомятся сами. По-прежнему брак заключается при условии выплаты калыма, размер которого варьируется, минимальной суммой считается 50 тыс. сом (около 35 тыс. руб.). Затраты на приданое обычно существенно выше: оно включает мебель, спальные принадлежности, ковры и войлоки ручной работы, одежду, посуду и т.п. Сохраняются традиционные правила подготовки приданого. Так, незадолго до его отправки мать невесты собирает родственниц и соседок, которые рассматривают приготовленное и обычно вносят свою лепту. По обыкновению приданое рассматривается в дальнейшем как собственность женщины.

Широко распространенной по сей день формой брака является умыкание (*кыз алын качуу*), что в большинстве случаев представляет собой частный случай брака по сговору и в большинстве своем не имеет криминальной подосновы. Сокращение числа насильственного заключения брака, без согласия невесты, связано с вступлением в силу закона об уголовной ответственности за такого рода действия. Подобная форма брака, даже по предварительному сговору молодых, продолжает считаться традиционной, кроме того, она более выгодна экономически, поскольку позволяет существенно сократить расходы на сватовство и организацию свадьбы в доме невесты.

При обсуждении этого обычая с женщинами часто возникает тема судьбы, причем без негативной оценки произошедшего. Часть опрошенных обоого пола утверждает, что в настоящее время растет число браков, заключенных через сватовство. Данное явление обычно объясняется развитием общей культуры и благосостояния общества. Законность брака устанавливает не только его гражданская регистрация, но и обязательное мусульманское бракосочетание, проводимое в доме невесты при браке через сватовство.

Брак в киргизской среде остается строго патрилокальным. Статус невестки (*келін*) определяет несколько факторов — ее навыки по ведению домашнего хозяйства, в том числе владение приемами ткачества, шитья и войлоковаляния, фертильность, коммуникативные качества. По традиции невестки сохраняют важную роль в брачных церемониях на всех этапах проведения — от посредничества на этапе знакомства молодых до их первой брачной ночи, когда жены

старших братьев невесты и жениха (*жеңе*) должны засвидетельствовать девственность невесты. Этот обычай до настоящего времени практикуется в южных областях страны.

Невестки руководствуются особым традиционным кодексом поведения, соблюдая ряд строгих запретов: например, им нельзя произносить настоящее имя свекра и других родственников мужа. Также невестки должны соблюдать определенный дресс-код — носить платок, длинный халат и носки, по крайней мере в присутствии родителей мужа и старшего поколения. При этом в первые годы замужества в их одежде желательны яркие тона как символы молодости и фертильности.

Рождаемость в киргизском обществе в настоящее время сравнительно высокая: в среднем семья имеет 4–5 детей, хотя в советское время этот показатель был гораздо выше и многие женщины носили звание «Мать-героиня». Многодетные матери у киргизов традиционно пользуются глубоким уважением. До сих пор среди киргизов распространено почетное именование пожилых многодетных женщин, имеющих склонность к домашнему целительству, — *Умай эне*, «мать Умай», по имени тюркской богини, считавшейся подательницей детей. В каждом поселке есть такая женщина (и не одна). Информанты, как мужчины, так и женщины, не только знают, кто такая Умай эне, но и могут обосновать, почему та или иная женщина носит ее имя и как это отражается на ее статусе в женском коллективе поселка. Высокий социальный статус таких женщин позволяет им считаться главой семьи в случае вдовства. В целом киргизская женщина играет в семье очень активную роль, обладая правом наравне с мужчиной принимать важные для семьи решения. Семейный статус многих киргизских женщин повышает также их известная экономическая самостоятельность, базирующаяся на домашнем производстве текстильной продукции, имеющей товарный характер.

Воспитание детей и их социализация всецело являются обязанностью семьи, поскольку надлежащее поведение ребенка определяет и авторитет родителей. Наблюдение за поведением детей в поселках позволяет отметить их вежливость, доброжелательность, коммуникабельность, а также сдержанность в присутствии взрослых. По мнению информантов, формированию у детей таких качеств, как терпение и самообладание, способствует то, что младенцы по сей день воспитываются в традиционной колыбели *бешик* (рис. 7).

Детская обрядность в целом составляет важный пласт ритуальной жизни семьи и включает следующие обряды: сорокодневье (*кыркы*), положение в колыбель (*бешик той*), разрезание пуп (*тушоо кесюю*), для мальчиков — обрезание (*сүннөт*), проводимое в дошкольный период (от 3 до 7 лет), для девочек первое заплетание кос (*чач өрдүрүү*). Из последних обрядов наиболее устойчивым к временным метаморфозам оказался обычай обрезания, так как, кроме возрастной ступени в жизни ребенка, он фиксирует конфессиональную социализацию в мусульманском обществе.

Рис. 7. Бабушка и внучка. Киргизия, п. Сары-Таш, Алайская долина.
Фото А.Ю. Жилина. 2011 г.

Семейная обрядность является своего рода маркером традиционного образа жизни. Обряды жизненного цикла киргизов во многом сохраняют свою традиционную структуру. Нововведения коснулись отдельных этапов обрядности, не изменив ее основной направленности. Однако в последнее время усилилась исламизация традиционной обрядовой сферы, наиболее четко эти процессы видны на примере погребально-поминального комплекса традиций. Такие обычаи, как эмоциональное оплакивание покойного, обязательное прощание с покойным максимального количества родственников, использование траурных атрибутов, оформление могилы и многие другие, официальным исламом объявлены как противоречащие нормам шариата. Кроме того, произошло сокращение поминальных сроков. Весь поминальный цикл (до 40-го дня) теперь проводится за неделю. Так как уровень жизни в современном Кыргызстане достаточно низкий, население благосклонно принимает подобные нововведения, сокращающие семейные расходы. Кроме того, сокращение трат на ритуалы поощряет и администрация поселков, ссылаясь на законопроект, внесенный в парламент республики в 2011 г. «О порядке проведения семейных обычаев, традиций, обрядов и праздничных торжеств в Кыргызской Республике». Этот документ на государственном уровне строго регламентирует проведение праздников, количество приглашенных гостей и даже меню и продолжительность самого мероприятия.

Рис. 8. Пожилые люди. Киргизия, п. Сары-Таш, Алайская долина.
Фото А. Ю. Жилина. 2011 г.

Особую роль в каждой семье и в сельском обществе в целом играет старшее поколение, которое обладает максимально высоким социальным статусом (рис. 8). В известной мере можно говорить о культе стариков, что выражается в многочисленных этикетных правилах, касающихся манеры поведения в присутствии пожилых людей, предоставления им места за столом, наделения почетными частями туши барана/коня во время трапезы. Социальная и духовная значимость позиций патриархов во многом определена сохранением ценности генеалогических связей и родственных отношений в рамках экзогамного ли-ниджа.

Аксакалами называют всех мужчин, достигших определенного возраста, это возрастной статус, однако уважаемым аксакалом может стать далеко не каждый. До настоящего времени сохраняется градация социальных статусов «младший аксакал» / «старший аксакал». Наиболее выдающиеся аксакалы формируют Совет аксакалов (*Аксакал кеңеш*). Совет избирается голосованием как общественный (народный) суд. Органы официальной власти прислушиваются к решениям народных судов. Иногда некоторые члены совета аксакалов имеют юридическое образование, что, несомненно, прибавляет вес организации. Нередко можно услышать, как население называет почетного аксакала поселка традиционным званием народного судьи (*бийем*). В юрисдикцию Советов аксакалов входят незначительные правонарушения, такие как кража,

хулиганство, примирение семей. Аксакалы контролируют и обрядовую жизнь поселка: решают вопросы, связанные с организацией общественных молений, распределяют обязанности среди родственников при проведении всевозможных обрядовых мероприятий. Так как в последнее время заметно усилилось влияние исламской традиции на народную культуру, Совет аксакалов часто поддерживает мнение мулл о необходимости корректировки обрядности соразмерно исламским нормам. Однако известны случаи, когда именно аксакалы противостояли официальному исламскому духовенству, защищая устои «веры отцов» или, по крайней мере, не выступая открыто, сами следовали традиционным нормам. Особенно ярко эти настроения проявляются в северных регионах Киргизии относительно норм погребально-поминальной обрядности.

Параллельно деятельности Совета аксакалов активно развивается деятельность так называемых Женских советов, обсуждающих широкий спектр вопросов, связанных с социальными проблемами женщин. В сферу деятельности советов входит помощь молодым женщинам при устройстве той, поминального мероприятия, разбор случаев семейного насилия. Возглавляет Совет старшая женщина, которую называют байбиче. Ее социальный статус складывается из семейного (у нее благополучная семья, много живых детей) и возрастного.

В каждом поселке и в каждом квартале города есть староста (*айыл-баши*). Он избирается народом, а подтверждается эта оплачиваемая государством административная должность в сельской управе. Должность айыл-баши могут занимать и молодые люди, и пожилые, избрание зависит лишь от личных качеств человека. Совет аксакалов и айыл-баши являются, по сути, органами народного самоуправления при контроле официальных властей. На севере Киргизии, по словам информантов, *айыл-баши* может стать и женщина, если она обладает необходимыми качествами и авторитетом.

Этнографические исследования 2011 г. позволили в общих чертах характеризовать основные этнокультурные процессы современной Киргизии. Межэтническая напряженность, политическая и экономическая нестабильность последних лет обусловили активизацию процессов миграции населения, в том числе на внутригосударственном уровне. Переселение части киргизского населения из южных в северные районы страны, несомненно, влияет на трансформацию культурных устоев, традиционно отличающих южный и северный варианты киргизской культуры. Такого рода миграции населения, возможно, приведут к возникновению новых культурных феноменов на базе миксации северного и южного вариантов киргизской культуры. Важнейший фактор культурных модификаций — масштабная трудовая миграция населения в крупные города России. Стиль жизни мегаполиса оказывает сильнейшее воздействие на мировоззрение и социальные установки мигрантов, что так или иначе имеет обратное влияние на «материнскую» среду. Подобные процессы отражаются и в национальном самосознании киргизского населения. В подобной ситуации

на первое место для исследователей выходит задача фиксации и анализа механизмов трансформации и воспроизведения традиционных стереотипов общества в новых условиях существования.

Одной из основных причин миграционных процессов является противоречивое влияние рыночной экономики, переход к которой в постсоветский период обусловил значительные изменения не только в хозяйственной области, но и в системе ценностей. Этнография домашней экономики в настоящее время требует пристального внимания, поскольку, с одной стороны, в этой сфере новации пустили весьма глубокие корни, а с другой — домашнее хозяйство в большой степени архаизировалось в связи с его натурализацией и, как следствие, мобилизацией комплекса народных хозяйственных знаний.

Важным процессом в современном киргизском обществе является усиление религиозных норм «классического» ислама. Напомним, что для киргизской культуры в традиционном ее варианте характерна специфическая религиозная система, сочетающая в себе как исламские, так и доисламские черты, в настоящее время обыденным сознанием воспринимающиеся как мусульманские нормы. Историками такая религиозная ситуация характеризуется как региональная форма ислама, которой принадлежала важная роль в сохранении самобытных черт культуры народов Центральной Азии вопреки нивелирующему прессу советской идеологии. Если во времена Советского Союза при запрете на открытое следование исламским нормам мы могли наблюдать устойчивое, пусть и в скрытой форме, существование традиционных институтов, то в настоящее время ситуация иная — традиционные формы религиозности и повседневной жизни заменяются «классическими» исламскими нормами. Муллы, руководствуясь истолкованием текста Корана (в силу полученного религиозного образования), объясняют старые обычаи и правила как неисламские, противоречащие «классическим» исламским нормам. Поэтому многие обычаи, мировоззренческие стереотипы подвергаются модернизации в соответствии с новой исламской трактовкой. Это касается и экономической сферы: получают распространение так называемые «займы по шариату».

Исламизация сильнее всего ощущается в сфере повседневной и обрядовой жизни, нежели в сфере управления и политики, — происходит сакрализация ценностей, установок, норм поведения, которые становятся непоколебимыми и безусловными. Эта функция религии востребована в эпоху потрясений, очень быстрых социальных изменений, когда общество становится подвижным, изменчивым, когда меняются ценности, ориентиры, статусы. Однако своего рода «сопротивление» глубокой исламизации имеет место обычно со стороны людей, для которых следование обычаям предков и представление о социальном престиже («у меня будет не хуже, чем у других») остается ведущим фактором в организации жизни. Так, несмотря на осуждения со стороны

мулл, некоторые продолжают устанавливать на могилах надмогильные памятники, устраивать пышные тои и поминки, брать кредиты в банке и т.п.

Сегодняшние религиозные процессы могут быть охарактеризованы как «вторичная исламизация региона». Однако для этого процесса все еще характерна неопределенность. В настоящее время практически во всех странах Центральной Азии идет активное определение взаимоотношений государства и религии. Вполне вероятно, что реисламизация, по сути, является попыткой правительства противостоять бесконтрольной политизации ислама. Именно этим объясняется координация правительством работы органов власти, особенно на уровне низовых структур (*айыл-окмоту*), и деятельности духовных лиц районного/областного уровня, с опорой на поддержку Совета аксакалов.

То обстоятельство, что наши полевые исследования осуществлялись в нескольких районах Киргизии, позволило как выделить общий вектор этнокультурных процессов, так и наметить их локальное своеобразие, обусловленное многими факторами. К таковым можно отнести, например, локальные традиции, специфику местной этнической картины и межэтнических взаимодействий, особенности экономической ситуации (близость промышленных и торговых центров, наличие свободных земель, пролегание туристических маршрутов и т.д.). Таким образом, при выявлении ведущих тенденций этнокультурной динамики киргизского общества первоочередной задачей следующих полевых сезонов становится изучение локальных комплексов современной киргизской культуры и тщательный анализ факторов их сложения и развития.

Библиография

Фиельструп Ф.А. Исследования среди кара-киргизов // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Л., 1926.